

Literaturno-esteticheskie raboty raznykh let [Antithetic contrasts of life: Literary and esthetic works from the various years], Moscow: Iskusstvo, 1990, pp. 234–246.

1. Chizhevskiy, D.I. O «Shineli» Gogolya [About Gogol's «Overcoat»], in *Sovremennye zapiski* (Paris), 1938, no. 67, pp. 172–195.
2. Kibal'nik, S.A. *Gayto Gazdanov i ekzistentsial'naya traditsiya v russkoy literature* [Gayto Gazdanov and existential tradition in the Russian literature], Saint-Petersburg: Petropolis, 2011. 412 p.
3. Leont'ev, K.N. Sredniy evropeets kak ideal i orudie vseirnogo razrusheniya [Middle European as ideal and tool of the universal destruction], in *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavyanofil'stvo and the future destinies of Russia], Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, pp. 198–267.
4. I.M. Grevs – L.P. Karsavinu. 21 avg. 1915, in *Rossiyskaya istoricheskaya mysl'. Iz epistol'yarnogo naslediya L.P. Karsavina: Pis'ma I.M. Grevsu (1906–1916)* [Russian historical thought. From L.P. Karsavin's epistolary heritage: Letters to I.M. Grevs], Moscow: INION RAN, 1994. 171 p.
5. Zakharov, V.N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The author's Name is Dostoyevsky. Essay on oeuvre], Moscow: Indrik, 2013. 456 p.
6. Losskiy, N.O. [Book review: Dostoyevskij-Studen: Verffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universit(t in Prag. Reichenberg, 1931. 164 s.), in *Sovremennye zapiski*, 1932, no. 49, pp. 462–464.
7. Chizhevskiy, D.I. K probleme dvoynika. (Iz knigi o formalizme v etike) [On a problem of the double. (From the book on a formalism in ethics)], in *Vokrug Dostoyevskogo v 2 t., t. 1: O Dostoyevskom: Sbornik statey* [Over Dostoyevsky in 2 vol., vol. 1: About Dostoyevsky: Collected works], Moscow: Russkiy put', 2007, pp. 54–73.
8. G.I. Gazdanov–R.B. Gulyu. 2 fevr. 1965, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 120–122.
9. R.B. Gul' – G.I. Gazdanovu. 8 avg. 1965, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 126–128.
10. Adamovich, G.V. *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom], N.Y.: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1955. 320 p.
11. Terapiano, Yu.K. *Vstrechi* [Meetings], N.Y.: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953. 208 p.
12. Ivanov, G.V. *Sobanie sochineniy v 3 t., t 1* [Works in 3 vol., vol. 1], Moscow: Soglasie, 1993. 656 p.

УДК 82:141.333(47)

ББК 83.3:87.3(2)53

ОБРАЗЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ УТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО И СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

С.А. СЕРЕГИНА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ул. Поварская, д. 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
E-mail: serjogina@mail.ru

Рассматриваются литературные утопии, созданные А. Белым и С. Есениным в революционные годы. Обосновывается положение о том, что концепция жизнетворчества А. Белого 1900-х годов сформировалась на базе представления Вл. Соловьева об искусстве

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-02709 «"Вечные" сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма» (2014–2016)).

как теургическом действе. Показано, как поэт-символист творчески перерабатывал комплекс соловьевских идей. Сделан вывод о том, что для А.Белого теургия заключена в звучащем поэтическом слове, преображающем мир. Указано, что теургическая концепция Белого представляет собой утопический проект. Доказывается, что Есенин является наследником младосимволистской концепции жизнетворчества. Обосновывается утверждение, что С. Есенин, в числе других поэтов 1910–1920-х гг., наследует опыт поэтической теургии А. Белого. На примере революционных поэм Есенина доказывается, что Есенин, создавая свою поэтическую утопию революционных лет «Инонию», опирался на теургическую концепцию искусства, воспринятую им в транскрипции Белого. С использованием мифопоэтического и структурного методов дан анализ двух литературных утопий, на основании которого сделан вывод об общем истоке утопических представлений Белого и Есенина.

Ключевые слова: символизм, утопия, жизнетворчество, «Глоссолалия» А. Белого, «Инония» С. Есенина, ретроспективизм, теургия, антропософия, утраченный рай.

THE IMAGES OF A POETICAL UTOPIA IN THE ANDREY BELIY'S AND SERGEY YSEENIN'S ART

S.A. SEREGINA

The A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences
25a, Povarskaya street, Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: serjogina@mail.ru

The literary utopias, created by A. Belyi and S. Yesenin are considered in the article. It is proved that the conception of Belyi's creative life of 1900-s was formed on the basis of Vl. Soloviov's ideas about art as theurgy, which transfigures reality. It is shown how poet-symbolist transformed complex of Soloviov's ideas in a creative way. It is concluded that theurgy for A. Belyi was in a poetical vocable transforming the world. It is pointed that theurgical conception by Belyi is presented as utopian project. It is proved that Yesenin is a successor of the mladostimvolism conception of life-building. It is stated that Yesenin, among other poets of the 1910-s and the 1920-s, inherits experience of poetical theurgy of A. Belyi. It has been affirmed that Yesenin in revolutionary years was creating his poetic utopia (Inoniya), based on the theurgic conception of art as it was performed in Belyi's works. The mythopoetic method and structural approach helped to analyze the two literary utopias and to make a conclusion about the common source of the different poets' utopian ideas.

Key words: Andrey Belyi, Sergey Yesenin, utopia, life-building, Aeriya, Inoniya, revolutionary poems, theurgy, Glossolalia, lost paradise.

Андрей Белый, подводя итоги своему творческому пути, признавался: «Мне всю жизнь грезилась какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слиянным со всеми видами творчества; в этом слиянии – путь к творчеству жизни: в себе и в других» [1, с. 21]. Концепция жизнетворчества – теургического искусства – сформировалась в работах Белого по эстетике и поэтике символизма 1900-х годов.

Термин «теургия» и вера в преображающую силу искусства пришли к Белому из соловьевского комплекса идей: «...Помимо эсхатологии Белый воспринял от Соловьева другую, хотя и тесно связанную с ней, глобальную идею, положенную в основу его философско-эстетического мироощущения, идею теургизма, “богодействия”, овладения высшими силами в целях пересоздания

мира и человека» [2, с. 112]. Эта идея оказалась востребованной для эстетики младших символистов, которые остро поставили проблему отношения искусства и жизни, творчества и бытия.

В представлении младших символистов «искусство перестает быть искусством, превращается в некую мистерию, в “теургическое действо”, от которого ждут уже не художественного познания и поучения, не художественного услаждения, но реального, “онтологического” ... пересоздания жизни» [3, с. 22]. Сила воздействия этих представлений на эстетическое сознание первой четверти XX века была необыкновенной: «...Теургическая символистская концепция была преемственно подхвачена русским художественным авангардом в целом» [4, с. 22]. Белый, анализируя в 1930 году становление символизма, старался утвердить независимость символистской теургической концепции от собственно философской мысли: «Ни Ницше, ни Соловьев не были нашими догматами ..., но мы не отказывались ни от Ницше, ни от Соловьева в ряде оформлений, как от гипотез, условных и временных» [5, с. 44].

Действительно, с точки зрения содержания теургическая концепция Белого отличается от того, что понимал под теургией Соловьев, и в этом смысле является оригинальной. Уже в 1909 г. Белый написал о том, что для него теургия заключена в звучащем поэтическом слове и, из него произрастая, становится творческой силой, преобразующей мир: «В звуке воссоздается новый мир, в пределах которого я чувствую себя творцом действительности, ... всякое слово есть заговор; заговаривая явление, я, в сущности, покоряю его» [6, с. 132].

Однако с точки зрения формы теургическая концепция Белого представляет собой утопический проект. Таким образом, с формальных позиций Белый, а вслед за ним и Есенин, работают с художественной и философской структурой, являющейся традиционной для художественного сознания. Они оба творят «мистическую утопию», для которой характерна вера в то, что «через духовно-волевое усилие, направленное на переустройство космического порядка, изменятся законы посюстороннего, естественного бытия, вытесняемые законами сверхъестественными (доминирующий мотив такой утопии – гностическое освобождение от физических закономерностей – тяготения, пространства и времени)» [7, с. 3].

Несмотря на крах теургической миссии Белого, случившийся в аргонавтический период его жизни, «”аргонавтизм” на долгие годы сохранил свое значение истока всех его творческих потенций, давая о себе знать ... в эпоху “второй зари” 1909–1911, на пути антропософского “ученичества” и, наконец, в тех миражах, которые предстали его сознанию в годы революционных потрясений» [2, с. 148].

Внимательное чтение эссеистики Белого 1917–1919 гг. убедительно доказывает: революция в художественном мышлении Белого знаменовала собою изменение не только в мире внешнем, но и внутреннем: она открывала путь, направление которого определяла теургия, – «путь внутреннего изменения человека – духовного, психического, физиологического, физического» [8, с. 102].

Андрей Белый, верный своей теургической концепции, полагал, что художник должен довоплотить социальную революцию до «третьей духовной

революции, которая приведет к мистерии человеческих отношений»¹. Поэт создает свою модель устройства должного миропорядка в пространстве художественного текста. В представлении Белого последовательность такова: «Первый акт творчества есть создание мира искусств; акт второй: созидание себя по образу и подобию мира Акт третий: вступление в царство свободы и новая связь безусловно свободных людей для создания общины жизни по образу и подобию новых имен, в нас таинственно вписанных духом» [10, с. 305–306].

В революционные годы Белый включается в мощный интеллектуальный и духовный поток: в это время «русское мессианское сознание устремляется к грядущему Царствию Небесному, где преодолен закон смертно-природного бытия, черпая там свои твердые, окончательные смыслы и цели» [11, с. 62].

Для Белого его мессианские устремления становятся новым витком его утопических настроений 1900-х годов, когда он пророчествовал: «Человек-миротворец: его мечта абсолютно реальна. Человек подобен Богу, как Творец. Его цель – восхитить силой Царствие Божие. Он – единство вселенной и Творца, единство формы и содержания» [12, с. 45–46].

В основе любой утопии лежит выраженная в слове модальность отношения к действительности: «именно в этом, а не в средствах, с помощью которых эта модальность выражается, заложена основная специфика утопии» [13, с. 7].

Модальность отношения к действительности Белого, как и Есенина, в это время – преобразование действительности и себя как ее части. Особенность утопического мышления Белого – в его ретроспективной направленности, в «интенсивном переживании “всех веков и народов”; всех прошлых культур и мирозерцаний как со – и одновременных себе»². В программной статье «Революция и культура» Белый заявил: «Вся романтика наших воспоминаний о прошлом есть, в сущности, чайнье: будущее, не имея законченной формы, встает нам под маской бывшего; и потому это “бывшее” не было никогда: оно – страна Мечты» [10, с. 301].

Новый виток утопического мышления Белый демонстрирует при создании эстетической утопии в поэме о звуке «Глоссолалия» и эссе «Утопия».

Топос Аэрии-Азии, развернутый в «Глоссолалии» и «Утопии», – это топос утраченного рая, существующий в мире трансцендентном и видимый посвященным: «В Кабалле “Азией” именуется эфир света, невидный обычному оку; посвященные “Азию” видят; может быть, проступает она на заре: может быть, “Назарей” она, эта Азия; она – страна Господа; Азия – свето-воздух и “Азии” нет на земле, где она, там и Рай ..., там, за огненным облаком, плывет облачный город, зажженный лучами, оттуда спустились мы все – из зареи, зари; “назарейми” были и мы – на заре» [15, с. 67]. Белый выстраивает генеалогию собственного мифа, обращаясь к мифопоэтическим представлениями

¹ См.: Белый А., Иванов-Разумник Р.В., Штейнберг А.З. LXXXIII открытое заседание Вольной Философской Ассоциации памяти Александра Блока 28 августа 1921 года. П.: Гос., 1922. С. 33 [9].

² См.: Малафеев А. Культурология русского символизма (XX век) // Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. М.: ОГИ, 2001. С. 140 [14].

древних греков: «Верили греки, что где-то в Индии блистает “златая земля”; и золотую ту землю называли: Зофейрой, Офейрой» [15, с. 20]. Нельзя не согласиться с тонким наблюдением М.Л. Спивак: «Настоящая, космическая Офейра находится не в горизонтальной плоскости, а в вертикальной, это топоним не земной, а небесной географии» [16, с. 177]. Однако в представлении Белого человечество должно в жизнетворческом порыве совместить небесную и земную географию.

В письме к Иванову-Разумнику поэт-символист так сформулировал основной тезис «Глоссолалии»: «Мир, строяемый языком в нашей полости рта, есть точно такой же мир, как вселенная: семь дней творения звуков во рту аналогичны семи дням творения мира; некогда слова оплотнеют материками и сушами, а языки превратятся в целые планетные системы со зверями, птицами и людьми; по отношению к этим мирам мы будем Элохимами» [17, с. 133]. В человеке заключена потенция к творческому преобразению мира, язык связывает его с космической прародиной: «В древней-древней Аэрии, в Аэре, жили когда-то и мы – звуко-люди; и были там звуками выдыхаемых светов: звуки светов в нас глухо живут; и иногда выражаемы их звукословием, глоссололией» [15, с. 68].

Образ Азии – световой страны – возникает вновь на страницах философско-эстетического очерка Белого «Утопия», который был опубликован в журнале «Записки мечтателей» в 1921 г. Цель журнала была в том, чтобы доказать – «возможна Коммуна Мечтателей»³.

В «Утопии» Белый воссоздает пространство некогда утраченного рая: «Мы в разгонах времен оплотнели. Мы медленно спускались из-за воздушного слоя, сквозь облака, на поверхность земли. Мы – из “Азии”: из облачной сферы лучистых эфиров, прошли мы сквозь облако, осели под облаком. В том значении – все мы из “Азии”; в “Азии” – старый Эдем» [19, с. 139]. И вновь Белый убеждает, что память об этом рае существует в нас: «Тела, оплотненные из субстанции Азии, облекались в тысячелетиях веществами грубейшей материи; Азия вписана в нас» [19, с. 139]. Так же, как и Аэрия в «Глоссолалии», Азия открыта лишь взору посвященных, способных преодолеть грубую иллюзию физического зренья и понять, что призраки материально реальны для тонкого, духовного, зренья: « <...> Очень тонкому зрению “Азия” эта видна; для обычного зренья неразличима она; образования “Азии” растворены в атмосфере» [19, с. 139]. Путь к обретению Азии скрыт в имажинативной способности мышления: « <...> В фантоме расширены мы: снова в Азии мы ... Образы в нас – то жизнь в нас фантома, иль атома мирового всего: это “Азия”» [19, с. 140].

Белый чаёт возвращения к существованию, которое было отмечено идиллическими и гармоническими чертами, существованию, которое несомненно – некогда было: «В фантазии жили; и небом была жизнь существ: круженье небесного свода порхало крылами; под нами качались цветы фантазийных земель...» [19, с. 140].

³ См.: Белый А. «Записки мечтателей» // Записки мечтателей. 1919. № 11. С. 5 [18].

Азия Белого – мир безусловного духа, чистейшего эфира; природа должна быть вывернута наизнанку, чтобы стала видна «всеазия», платоническая основа мира, которая одна для Белого подлинна: «Если бы мы умели вывернуться наизнанку, увидели бы мы вместо мира обставшей природы: всеазию, или фантазию» [19, с. 142].

Белый-антропософ мыслит тело как прожжение духа: «Тело ... прожженное место, пустая дыра; минеральное тело – дыра внутри “тела” стихий» [19, с. 140]. Для него природа – мир минералов, стихий, «оплотневших субстанций духа». Белый-поэт, Белый-теург в фантазиях, фантомах – образах творчества – хочет обрести утраченную Азию и воплотить ее не только в тексте искусства, но в тексте жизни: «В фантазиях – материи создаваемых правд ... и то, что творили мы в мечтах – мы мечтали! – станет в разгонах времен тверже граней-гранитов – мы вернемся на родину в “Азию”. Осуществится “фантазия”» [19, с. 142].

Теургический императив – в активном утверждении мыслимого идеала, создание художественного пространства Азии-Аэрии – жест поэта-теурга: «<...> Я, утверждая ее, порожаю Коперника будущей эры, которого миссия – доказать, что так близко к нам Солнце, что, собственно говоря, мы на Солнце ... тут мы вспыхнем; и в миг сгорания вскрикнет мечтатель: вот Солнечный град Кампанеллы спустился, вот мы – в граде Солнце! По слову мечтателя вступим мы в Солнечный Град. Его Царствию да не будет конца!» [19, 144].

Время написания «Утопии» окрашено интересом Белого к третьей теократической утопии Кампанеллы, который, по мнению А.В. Лаврова, «подкреплялся антропософским опытом писателя»: «<...> Храм Солнца с его “астрономической” организацией и пантеистической символикой неизбежно должен был вызывать в сознании Белого аналогии с Гетеанумом» [20, с. 44].

Новое направление утопической мысли Белого придает его работа в Вольфиле: «<...> Иерархическая структура государства Кампанеллы и лежащий в ее основе принцип моральной регуляции общественной жизни вполне согласовывался с тем представлением о “коммуне” единомышленников ..., которые оформились у Белого за время этой работы и сказывались в “вольфильские” годы» [20, с. 44].

В 1920 г. Белый говорит о возникновении иного идеала Интернационала, «где люди соединяются по глубочайшим своим устремлениям, философским, культурным и эстетическим; в этих “второго порядка” коммунах близкое слово “товарищ” заменятся еще более близкими: “брат” и “сестра”; может быть, сможем тогда говорить о заданиях Интернационала как о свободном объединении, где все человечество, взявшись за руки братски, организует всемирное братство любви; в Интернационале, который есть не только нечто междулежащее, но и нечто соединяющее, окончательно организующее, будет осуществляться интернационалистское искусство, интернационал наук, интернационал языков и других проявлений культуры»⁴.

«Аэрия», «Азия», «страна Господа», «облачный город», «Страна чистого Духа», «град солнечного освещения жизни», «световая страна», «Солнечный Град», «коммуна мечтателей», «интернационал искусств» – это имена утопии,

⁴ Цит. по: Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском доме // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 45 [20].

которую Белый создает в революционные и пореволюционные годы: эстетической утопии, в основе которой – топос утраченного рая.

Иванов-Разумник одним из первых сопоставил утопический опыт Белого и Есенина, когда назвал «Инонию» и «Христос Воскрес» пророческими поэмами: «Каждый подлинный “поэт” есть “пророк”. И все истинные поэты всех времен – всегда были пророками вселенской идеи своего времени, всегда через настоящее провидели в будущем Инонию» [21, с. 133].

Идиллическое пространство иной страны – Инонии – разворачивается не только в одноименной поэме. Эта авторская модель совершенного мироустройства образует в цикле революционных поэм топос утраченного рая, эстетическую утопию, элементы которой определяют художественный строй революционных поэм⁵ и смысловое поле трактата «Ключей Марии»⁶.

Художественную природу Аэрии и Инонии можно определить как синтетическую форму перспективной и ретроспективной утопии, когда «тоске по потерянному раю сопутствует надежда на его возвращение»⁷.

Есенин, творя утопическое пространство «Инонии», как и Андрей Белый в «Глоссолалии» и «Утопии», использует «историческую инверсию», когда в тексте «изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем»⁸.

Для Белого утраченный рай располагается в пространстве космической прародины. Для Есенина народная культура еще не утраченный, но утрачиваемый рай, ее «творческо-мыслительная значность»⁹ свидетельствует о некогда бывшей гармонии духа и плоти, быта и искусства.

Выход в новую историческую эру видится Есениным только через постижение этой «творческо-мыслительной значности». Локализованный в прошлом идеал подлинного творчества и гармоничного бытия экстраполируется на будущее, в котором искусство «расцветет в своих возможностях как некий вселенский вертоград»¹⁰, то есть станет нормой существования. Стремление Есе-

⁵ О поэтическом, художественном и философском своеобразии маленьких поэм см.: Серегина С.А. Теургический проект мироустройства в маленьких поэмах С.А. Есенина // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: X Шешуковские чтения: в 2 ч. М.: Моск. педагог. гос. ун-т, 2005. Ч. 1. С. 399–405; Скороходов М.В. Раннее творчество С.А. Есенина в историко-культурном контексте («Радуница» 1916 г. и маленькие поэмы 1917–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.01). М., 1995.

⁶ Об источниках «Ключах Марии» см.: Серегина С.А. Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.01). М., 2009; Субботин С.И. Комментарий к «Ключам Марии» // Самоделова Е.А., Субботин С.И., Захаров А.Н., Кошечкин С.П., Юсов Н.Г. Комментарии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995–2002. С. 433–505.

⁷ См.: Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польского, общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. С. 124 [22].

⁸ См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит, 1975. С. 297 [23].

⁹ См.: Есенин С.А. Ключи Марии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. С. 200 [24].

¹⁰ Там же. С. 202.

нина-поэта преодолеть пропасть между «бытом и искусством»¹¹, разрешить извечное противоречие жизни и творчества, дольного и горнего метафорически воплощено в образе березок, которые, оставаясь в телеге земли, стремятся к новым берегам: «<...> Березки, сидящие в телеге земли, прощаются с нашей старой орбитой, старым воздухом и старыми тучами» [24, с. 212].

Осмысление будущей эпохи как времени уничтожения границ между действительным и трансцендентным очевидно сближает есенинский творческий поиск с утопическими проектами Андрея Белого, который чаял «углубления революции до революции жизни, сознания, плоти и кости, до изменения наших чувств, наших мыслей, до изменения нас в любви и братстве»¹².

Лирический герой Есенина в революционных поэмах, наделенный демиургическими функциями: «...О какими, какими метлами // Это солнце с небес стряхнуть»¹³, – творит новый космос. Его поэтический идеал, который должен стать нормой бытия – «град Инония, где живет Божество живых»¹⁴.

В художественном пространстве «революционных поэм» Есенин-поэт, скорее, готов в слове «надстраивать действительность (настоящее) по вертикали вверх и вниз, чем идти вперед по горизонтали времени»¹⁵. Его демиургические усилия направлены на «прободение в вечность», на прорыв сквозь вечную границу, отделяющую мир этот и иной: «Протянусь до незримого города, // Млечный прокушу покров»; «Подыму свои руки к месяцу, // Раскушу его, как орех»¹⁶.

Располагая пространство маленьких поэм на «вертикальных потусторонних настройках», Есенин наделяет свой идеал семантикой «сущего и как бы уже современного»¹⁷. Новое бытие вырастает не на протяженности исторической горизонтали, а на глубине метафизической вертикали, где и происходят мистериальные события поэм.

Верхней точкой этой вертикальной оси становится отчий край-рай, Русь, которая из «звездного чрева» должна сойти на твердь. Одновременно – это пространство неба и космоса. Конечно, это пространство «не может обойтись без средств земной обстановки»¹⁸. Однако это новый лик вселенной, измененной творческой рукой «сурового мастера». Здесь «среброструйный Водолей» черпает Медведицей-ковшом лазурь¹⁹, «тощий колос хлеба» становится «звезд-

¹¹ «Быт и искусство» – название одной из программных статей Есенина.

¹² См.: Белый А. Революция и культура // Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 30 [10].

¹³ См.: Есенин С.А. Пантократор // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 73 [25].

¹⁴ См.: Есенин С.А. Инония // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 62 [26].

¹⁵ См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. С. 298.

¹⁶ См.: Есенин С.А. Инония. С. 61–62.

¹⁷ См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. С. 298.

¹⁸ См.: Есенин С.А. Ключи Марии. С. 197.

¹⁹ См.: Есенин С.А. Инония. С. 74.

ным лаком»²⁰, «тихо дремлют кедры, обвесив сучья вниз»²¹, «как белки, желтые весны прыгают по сучьям дней»²². Это «далекий берег», «незакатный край», «блажие селенья», где Богородица «скликает в рай телят»²³, где «солнце, как кошка, с небесной вербы лапкою золотою» «трогает» волосы лирического героя²⁴.

Образы «иных земель и вод» проходят через все революционные поэмы, организуя в них идиллическое пространство: это «далекий берег», «иная трава и чаша», «кусты непроходимых рощ», «незакатный край», «незримая суша», «синые затоны далеких озер», «золотые шапки гор», «молоко дымящего сада».

Есенин, создавая поэтическое пространство своей утопии, подвергает определенной трансформации мотивы как апокрифической литературы, так и народных утопий. Образ «молоко дымящего сада» восходит, вероятно, к образу заповедного места, где сходится небо с землею, которое пытаются обрести апокрифические искатели рая: «<...> Всю землю вокруг озарял немеркнувший свет <...> там росло множество деревьев с многочисленными плодами, разными цветущими цветами, а посреди деревьев стоял огромный стол и на столе скатерть, приуготовлена трапеза, и престол, хлебы» [29, с. 186].

В «Ключах Марии» читаем: «Рай в мужицком творчестве так и представляется, где нет податей за пашни, “где избы новые, кипарисовым тесом крытые”, где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченой брагой» [24, с. 202].

В «Отчаре» этот текст обретает буквальный стиховой аналог:

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однажды
Свет ангельских юрт

<...>

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам [30, с. 39].

Перед нами – картина всеобщего благоденствия, являющая собой есенинский вариант народной утопии, которую он воспроизводит и в статье, и в поэме. «Отчий край» – хранитель заповедных тайн народной души, исконной «узловой завязи природы с сущностью человека»²⁵, которую невозможно разор-

²⁰ См.: Есенин С.А. Октоих // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 42 [27].

²¹ Там же. С. 44.

²² Там же. С. 66.

²³ См.: Есенин С.А. Преображение // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 53 [28].

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ См.: Есенин С.А. Ключи Марии. С. 202.

вать. Отсюда – возникающая в маленьких поэмах система образов небесных деревьев: «небесные тополя», «небесные кедры», определяющие место нового идиллического бытия – невыразимо-прекрасного «Там»:

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей [26, с. 74].

В отличие от «народного» рая с «новыми избами» и «сыченой брагой», есенинское утопическое пространство – это, прежде всего, восстановление единства с миром духовного Абсолюта, понимаемого им как «обстающий человека храм вечности», «царство солнца внутри нас», гармоничная слиянность неба и земли. Цель воплощения его утопии – утешить скрытую «печаль земли по браку с небом»²⁶:

Иной травой и чащею
Отенит мир вода
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда [29, с. 54].

В традиционных понятиях рода, семьи актуализируются мифологические пласты, бытовые родственные отношения выводятся на новый план художественно-философского осмысления. Дед и мать в художественном пространстве поэм – творцы нового космоса:

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается поймать... [26, с. 67];

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд [27, с. 44].

Очевидно, что творческое сознание поэта обращено здесь к мифопоэтическому источнику. В «Ключах Марии» читаем: «Этот Маврикийский дуб был символом “семьи” как в узком, так и в широком смысле»; «дуб, под которым Авраам встречает Святую Троицу» [24; с. 189]. На мифологическом уровне текста архетип деда реализуется в качестве первопредка, наделенного тайным знанием. Библейские коннотации приносят в привычные родовые и семейные отношения новое значение всеединства под знаком духовного Абсолюта. След-

²⁶ Там же. С. 213, 210, 209, 200.

ствии этого соборность человечества становится необходимым условием для восстановления гармоничной слиянности разорванного мироздания. Залогом этого гармоничного мироустройства становится восстановление разрушенной связи поколений, «памяти веков»:

То душ преображенных
Неисчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад» [31, с. 57];

... С-за гор вереницей
Плывут корабли.
В них души усопших
И память веков»²⁷ [27, с. 42–43].

Есенин в своей утопии актуализирует традиционные понятия рода и семьи, которые становятся у него знаками нового космоса, понятого как «родительский чаг». Ретроспективная утопия Есенина развертывает чаемое поэтом пространство существования, при котором отношение к космосу, как к родному очагу, явленное, по мысли Есенина в народной культуре, сменится реальным обретением космоса как родного обжитого пространства. Эта утопия создавалась Есениным с пониманием искусства как теургического действия и наполнялась переосмысленными, поднятыми на новую высоту образами народной культуры. Утопическая модель гармоничного мироустройства в поэтическом тексте мыслилась Есениным как начальный этап в установлении совершенного миропорядка в реальной истории.

«Аэрия, милая, – звуками, переливами слов среди убогой, разбитой, разорванной жизни тебя вспоминаю: приди!»²⁸ – призывал Андрей Белый в «Глоссолалии»; «Обещаю вам град Инонию, // Где живет Божество живых!»²⁹ – обещал Есенин в «Инонии». Для художественного сознания обоих поэтов революционного и пореволюционного времени характерна общая утопическая модальность – модальность преображения действительности. В основе их эстетических утопий – топос утраченного рая. Белый полагал, что Аэрия «вписана» в сознание как память о дотелесной жизни человеческого Я. Белый, хотя и мечтает о том, чтобы «товарищ» стал «братом», все-таки мыслит Аэрию как космос для одного.

Для Есенина «Инония» воплощала собой утраченное гармоничное единство духа и знаков, быта и искусства, горнего и дольного, идиллическое прошлое и идеальное будущее. Художественные образы «Инонии» и «Аэрии» объединяет одно световое и цветовое решение: «Инония» – страна с «золоты-

²⁷ Об идеях Н.Ф. Федорова в революционных поэмах С.А. Есенина см.: Семенова С.Г. Полюса русской души и русской идеи в поэзии Сергея Есенина // Семенова С.Г. Метафизика русской литературы. В 2 т. М.: Порог, 2004. Т.1. С. 359–389.

²⁸ Белый А. Глоссолалия: Поэма о звуке. Берлин: Эпоха, 1922. С. 69 [15].

²⁹ См.: Есенин С.А. Инония. С. 62.

мишапкамигор»³⁰, «Аэрия»-«Азия» «окутаналучистыми эфирами»³¹. «Аэрию» и «Инонию» могут видеть только избранные, прошедшие путь посвящения³².

Есенин создает образы своей утопии, помня об «узловой завязи природы с сущностью человека». Новокрестьянский поэт постигает «память веков», отраженную в тайниках народной культуры. Он создает свою утопию по законам этой культуры, чтобы новая эпоха стала зеркалом прошлого, но зеркалом, в котором это прошлое преображается.

Думается, что именно общение с Белым дает новое направление художественному мышлению Есенина в 1917 г.: от «голубой Руси» – к «Инонии», к действительному преображению мира в чаемую утопию.

Утопические проекты обоих поэтов не могли воплотиться: такова, как известно, мифотворческая и умозрительная природа любой утопии.

Белый в 1922 году обратился к участникам заседания Вольфила: «Мы, как долженствующие соединить Восток и Запад, мы, скифы...»³³, – подчеркивая этим обращением, что он не изменил тем устремления, которые определяли его творчество революционных лет.

Есенин раньше понял, что его творческий порыв упирается в пределы возможностей искусства: «<...> Искусство не сумело стать силой, реально творящей живое, восстанавливающей погибшее, преображающей мир (как это представлял себе Федоров и Вл. Соловьев, как к тому пробивалась символистская мысль в своей теории теургического искусства)» [11, с. 73].

В письме к Е. Лившиц 1920 г. Есенин признавался: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений» [32, с. 116].

Поэтические утопии Андрея Белого и Есенина, прекрасные и невоплотимые, достигли своей главной цели: выходя за границы реального, проектируя несбыточное, они утверждают свой духовный и эстетический идеал. При всей своей неоднозначности, этот идеал дает выход к трансцендентному, призывает к духовной и мыслительной работе и оставляет культуре память и знание о ценностной парадигме эпохи.

Список литературы

1. Белый А. Как мы пишем. О себе как писателе / предисл. и публ. В. Сажина // Андрей Белый: Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации: сб. / сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Сов. писатель, 1988. С. 8–24.

³⁰ См.: Есенин С.А. Инония. С. 67.

³¹ См.: Белый А. [подп. Alter Ego] Утопия // Записки мечтателей. 1921. № 2–3. С. 142 [19].

³² См. об этом подробнее: Сергина С.А. Андрей Белый и Сергей Есенин: Эзотерический путь // Миры Андрея Белого: сб. ст. Белград; М., 2011.

³³ См.: Белый А., Иванов-Разумник Р.В., Штейнберг А.З. LXXXIII открытое заседание Вольной Философской Ассоциации памяти Александра Блока 28 августа 1921 года. С. 28.

2. Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 336 с.
3. Асмус В. Философия и эстетика русского символизма // Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 1–53.
4. Азизян И.А. Диалог искусств Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 398 с.
5. Белый А. На рубеже двух столетий / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1989. 542 с.
6. Белый А. Магия слов // Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 131–142.
7. Гальцева Р.А. *Sub specie finis* (Утопия творчества Н.А. Бердяева) // Очерки русской утопической мысли. М.: Наука, 1992. С. 10–60.
8. Белый А. О теургии // Новый путь. 1903. № 9. С. 100–124.
9. Белый А., Иванов-Разумник Р.В., Штейнберг А.З. LXXXIII открытое заседание Вольной Философской Ассоциации памяти Александра Блока 28 августа 1921 года. П.: Гбс., 1922. 125 с.
10. Белый А. Революция и культура // Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 296–308.
11. Семенова С.Г. Стихии русской души в поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. III / отв. ред. Ю.Л. Прокушев; ред.-сост.: А.Н.Захаров, Ю.Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 1997. С. 57–82.
12. Белый А. Венец Лавровый // Золотое руно. 1906. № 5. С. 43–50.
13. Сафронова Л.А. Об утопии и утопическом // Утопия и утопическое в славянском мире / отв. ред. Л.А. Сафронова, Н.М. Куренная. М.: Степаненко, 2002. С. 6–14.
14. Малафеев А. Культурология русского символизма (XX век) // Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. М.: ОГИ, 2001. С. 133–273.
15. Белый А. Глоссология: Поэма о звуке. Берлин: Эпоха, 1922. 131 с.
16. Спивак М.Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. 577 с.
17. Белый А. – Иванову-Разумнику. 5 сент. 1917 г., Поворово // Андрей Белый и Иванов-Разумник: переписка / публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста и коммент. Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 133.
18. Белый А. «Записки мечтателей» // Записки мечтателей. 1919. № 11. С. 5–8.
19. Белый А. [подп. Alter Ego] Утопия // Записки мечтателей. 1921. № 2–3. С. 139–144.
20. Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском доме // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 22–63.
21. Иванов-Разумник Р.В. Россия и Инония // Наш путь. 1918. № 2. С. 134–151.
22. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польского, общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 454 с.
23. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит, 1975. С. 234–408.
24. Есенин С.А. Ключи Марии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. С. 186–212.
25. Есенин С.А. Пантократор // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 73–76.
26. Есенин С.А. Инония // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 61–68.
27. Есенин С.А. Октоих // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 41–45.
28. Есенин С.А. Преображение // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 52–56.
29. Житие и подвиги преподобного отца нашего Агапия чудотворца // Апокрифы Древней Руси / сост. и предисл. М.В. Рождественской. СПб.: Амфора, 2002. С. 173–179.

30. Есенин С.А. Отчарь // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 35–40.
31. Есенин С.А. Иорданская голубица // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 2. С. 57–60.
32. Есенин С.А. – Лившиц Е.И. 11 авг. 1920, Минеральные воды // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 6. С. 114–116.

References

1. Belyy, A. Kak my pishem. O sebe kak o pisatele [How we write. About myself as a writer], in Andrey Belyy. *Problemy tvorchestva: stat'i, vospominaniya, publikatsii* [The problems of art: articles, memoirs, publications], Moscow: Sovetskiy pisatel', 1988, pp. 8–24.
2. Lavrov, A.V. *Andrey Belyy v 1900-e gody. Zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [Andrey Bely: in the 1900-s. The life and literature], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. 336 p.
3. Asmus, V. Filosofiya i estetika russkogo simvolizma [Philosophy and aesthetics of Russian symbolism], in *Literaturnoye nasledstvo* [Literary inheritance], Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'edinenie, 1937, vol. 27–28, pp. 1–53.
4. Azizyan, I.A. *Dialog iskusstv Serebryanogo veka* [The dialogue of arts in the Silver century], Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 398 p.
5. Belyy, A. *Na rubezhe dvukh stoletiy* [At the turn of the two centuries], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 542 p.
6. Belyy, A. Magiya slov [The magic of words], in *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view], Moscow: Respublika, 1994, pp. 131–142.
7. Gal'tseva, R.A. Sub specie finis (Utopiya tvorchestva N.A. Berdyayeva) [Sub specie finis (The utopia of art by N.A. Berdyayev)], in *Ocherki russkoy utopicheskoy mysli* [The studies on Russian utopian ideas], Moscow: Nauka, 1992, pp. 10–60.
8. Belyy, A. O teurgii [About theurgy], in *Novyy put'*, 1903, no. 9, pp. 100–124.
9. Belyy, A., Ivanov-Razumnik, R.V., Shteynberg, A.Z. *LXXXIII otkrytoe zasedanie Vol'noy Filosofskoy Assotsiatsii pamyati Aleksandra Bloka 28 avgusta 1921 goda* [LXXXIII open meeting of Free philosophical association of 28 of August in memory of Alexandr Blok], Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. 125 p.
10. Belyy, A. Revolyutsiya i kul'tura [Revolution and culture], in *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view], Moscow: Respublika, 1994, pp. 296–308.
11. Semenova, S.G. Stikhii russkoy dushi v poezii Esenina [The elements of Russian soul in Yesenin's poetry], in *Stoletie Sergeya Esenina. Mezhdunarodnyy simpozium* [The centenary of Sergey Yesenin. The international symposium], Moscow: IMLI RAN, 1997, pp. 57–82.
12. Belyy, A. Venets Lavrovyy [Laurel Crown], in *Zolotoe runo*, 1906, no. 5, pp. 43–50.
13. Safronova, L.A. Ob utopii i utopicheskom [About utopia and the utopian], in *Utopiya i utopicheskoe v slavyanskom mire* [Utopiya and the utopian], Moscow: Stepanenko, 2002, pp. 6–14.
14. Malafeev, K. Kul'turologiya russkogo simvolizma (XX vek) [The culturology of Russian symbolism (XX century)], in Asoyan, U., Malafeev, A. *Otkrytie idei kul'tury* [The discovery of the idea of culture], Moscow: OGI, 2001, pp. 133–273.
15. Belyy, A. *Glossolaliya: poema o zvuke* [Glossolalia: the poem about sound], Berlin: Epokha, 1922. 131 p.
16. Spivak, M.L. *Andrey Belyy – mistik i sovetskiy pisatel'* [Andrey Belyy – a mystic and a soviet writer], Moscow: RGGU, 2006. 577 p.
17. Belyy A. – Ivanovu-Razumniku 5 sentyabrya 1917 g., Povorovo [The letter from A. Bely to Ivanov-Razumnik on 5th of Sept., Povorovo], in *Andrey Belyy i Ivanov-Razumnik: perepiska* [Andrey Belyy and Ivanov-Razumnik: correspondence], Saint-Petersburg: Atheneum; Feniks, 1998, p. 133.

18. Belyy, A. «Zapiski mechtateley» [The notes of dreamers], in *Zapiski mechtateley*, 1919, no. 11, pp. 5–8.
19. Belyy, A. Utopiya [Utopia], in *Zapiski mechtateley*, 1921, no. 2–3, pp. 139–144.
20. Lavrov, A.V. Rukopisnyy arkhiv Andrey Belogo v Pushkinskom dome [The Andrey Belyy's handwritten archive in Pushkinskiy dom], in *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1978 god* [The annals of the Manuscript department of Pushkinskiy dom for 1978], Leningrad, 1980, pp. 22–63.
21. Ivanov-Razumnik. Rossiya i Inoniya [Russia and Inoniya], in *Nash put'*, 1918, no. 2, pp. 134–151.
22. Shatskiy, E. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition], Moscow: Progress, 1990. 454 p.
23. Bakhtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [The forms of time and chronotope in a novel. The essays on historical poetics], in *Voprosy literatury i estetiki* [The questions of literature and aesthetics], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234–408.
24. Esenin, S.A. Klyuchi Marii [Maria's keys], in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 5 [Collected edition in 7 vol., vol. 5], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 186–212.
25. Esenin, S.A. Pantokrator, in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 2 [Collected edition in 7 vol., vol. 2], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 73–76.
26. Esenin, S.A. Inoniya, in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 2 [Collected edition in 7 vol., vol. 2], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 61–68.
27. Esenin, S.A. Oktoikh, in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 2 [Collected edition in 7 vol., vol. 2], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 41–45.
28. Esenin, S.A. Preobrazhenie, in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 2 [Collected edition in 7 vol., vol. 2], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 52–56.
29. Zhitie i podvigi prepodobnogo ottsa nashego Agapiya chudotvortsya [Life and endeavor of Reverend Pater Agapiy-Wonderworker], in *Apokrify Drevney Rusi* [Apocrypha of Ancient Russia], Saint-Peterburg: Amfora, 2002, pp. 173–149.
30. Esenin, S.A. Otchar', in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 2 [Collected edition in 7 vol., vol. 2], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 35–40.
31. Esenin, S.A. Iordanskaya golubitsa [The Jordanian dove], in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 2 [Collected edition in 7 vol., vol. 2], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 57–60.
32. Esenin S.A. – Livshits E.I. 11 avg. 1920, Mineral'nye vody [11 of August, 1920, Mineral'nye vody], in Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.*, t. 6 [Collected edition in 7 vol., vol. 6], Moscow: Nauka; Golos, 1995–2002, pp. 114–116.